Андрей Леонидович ДМИТРОВСКИЙ

СТРУКТУРНО-ПОЛЕВОЙ АНАЛИЗ МЕДИАДИСКУРСА КАК МЕТОД

Цель исследования: проанализировать эвристические и инструментально-методологические возможности выведенной ранее категории «научно-методологического поля медиаисследований» (Н-МП) методом теоретической интерпретации базового понятия. Ожидаемый результат: описание возможностей категории научно-методологического поля как методики и методологии структурно-полевого анализа медиадискурса (матрицы методов гуманитарного исследования). Объект: персональная исследовательская парадигма учёного. Предмет: эвристически-методологический функционал категории научно-методологического поля.

Ключевые слова*: медиадискурс, метод, персональная исследовательская парадигма учёного, научно-методологическое поле, журналистика, экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ), методика и методология медиаисследований.*

Andrey L. DMITROVSKY

STRUCTURAL AND FIELD ANALYSIS OF MEDIA DISCOURSE AS A METHOD

The purpose of the study: to analyze the heuristic and instrumental-methodological possibilities of the previously derived category of "scientific and methodological field of media research" (S-MP) by the method of theoretical interpretation of the basic concept. Expected result: description of the possibilities of the category of scientific and methodological field as a technique and methodology for structural and field analysis of media discourse (matrix of methods of humanitarian research). Object: personal research paradigm of a scientist. Subject: heuristic-methodological functional of the category of scientific and methodological field.

Keywords: *media discourse, method, personal research paradigm of a scientist, scientific and methodological field, journalism, existential theory of journalism (ETJ), method and methodology of media research*

Вступление

Конструирование любого научного метода начинается с определения условий и цели решаемой задачи. Персональная исследовательская парадигма учёного должна учитывать не только содержательный характер проблемы (онтологическая, гносеологическая, генетическая, функциональная и так далее), но и масштаб поднимаемой темы: для каждой комбинации темы-проблемы-метода есть своя форма организации знания, свой, условно говоря, «жанровый скелет».

Особенно остро проблема состоятельности методологического базиса стоит в гуманитарной сфере (не исключая и филолого-журналистскую): «обращает на себя внимание тот факт, что методология исследования зачастую не только не получает должного описания, обоснования и представления в научном тексте, но и часто не соответствует обозначенным целям, задачам и предмету исследования. Такое легковесное отношение к методологической стороне научного поиска приводит к ненадежности и недостоверности полученных результатов» (Дубровская, Кожемякин 2019: 45). С данным утверждением нельзя не согласиться, поскольку научной методологией накоплен широкий набор инструментов и принципов познания, но теорией журналистики он не освоен (Иващенко, Науменко 1999: http://).

При решении данной проблемы нами была выведена категория научно-методологического поля (Н-МП, матрица методов гуманитарного исследования) (Дмитровский 2021). В свёрнутом виде её определение таково: *разновидность научного дискурса (дискурсивная практика), содержащая в «свёрнутом» виде совокупность научно-методологического инструментария познания действительности в системном, основанном на сетевой структуре, ассоциативно-смысловом и категориально-понятийном виде*.

В расширенном виде формула примет следующий вид: научно-методологическое поле (Н-МП) представляет собой ситуативно активизируемый вопрошающей интенцией (сознанием, текстом) конкретного исследователя смысловой континуум (дискурс), содержащий знания, опыт и мировоззренческие переживания ранее бывших и ныне существующих учёных относительно истинного устройства окружающего мира, постоянно обогащающийся всё новыми методами, способами и другими инструментами познания действительности и представляющий собой архисложную

ассоциативно-смысловую понятийно-категориальную сеть, имеющую иерархически-уровневую структуру.

Логика конструирования метода структурно-полевого анализа медиадискурса была следующей. Критический обзор состояния методологической мысли в сфере исследований журналистики показал, что в ней сложилась ситуация, когда в информационно-смысловом поле медиаисследований прослеживается несколько десятков направлений формирования теории журналистики, однако общей – принципиально понимаемой – идеи журналистики никак не складывается: «Российские академические исследования СМИ и журналистики представляют собой сегодня «пестрое поле», на котором еще не все составляющие его «кусочки» нашли свое место и скрепились друг с другом. <…> Очевидна растущая потребность в актуализации теории СМИ и журналистики. Ведь несмотря на то что социально-экономический контекст в обществе принципиально изменился, как и изменились сами массмедиа и журналистика, теория СМИ все еще не сформулировала новые понятия природы, миссии и особенностей функционирования профессии и современной медиасреды» (Вартанова, 2015:21).

Но как такую «собирательную», объединяющую идею найти? Притом, естественно, сделать это на «платформе», максимально отдалённой от непосредственной эмпирики – имён и концепций, «человеческого, слишком человеческого» в теории журналистики?

Углубление в эпистемологию научного знания обнаружило соответствующую форму: мета- или «общую теорию» (журналистики). Как и любая теория, общая теория журналистики потребовала определения объекта и предмета исследования, что и было сделано (Дмитровский 2018). Затем был проведён анализ научного знания на предмет его общей организации. В общем виде оно описывалось как «вертикальная структура», образованная и представленная «тремя уровнями: эмпирическое знание, теоретическое знание и метатеоретическое знание. Все эти уровни знания имеют между собой качественные отличия: и по своему содержанию, и по методам получения и организации» (Лебедев 2008: 545). Данная триада («Триада – система категорий из трёх единиц, позволяющая в гносеологически ёмком виде описать любой объект» (Боуш 2020:88) и была взята как первый методологический принцип.

Однако детальный анализ методологии журналистского знания показал тот факт, что трёхчастная структура деления

методологического инструментария в журналистике всё же имеет более сложную внутреннюю градацию. По мнению теоретиков (Прохоров 2005), её методологическая матрица представляет собой конструкт «ядро – ближний круг – периферия»: точнее это, графически, скорее система концентрических кругов, расходящихся от центра (ядра) к периферии, где ядром выступает «научная парадигма исследователя» (по Е.П.Прохорову). Данный конструкт («ядро – ближний круг – периферия»), также являющийся триадой, но одновременно с б***о***льшим числом степеней внутренней градации («кругов», «уровней»), послужил следующим методологическим принципом.

Само ядро – научная парадигма исследователя (НПИ), в свою очередь также может быть представлена в виде треугольника, «вершиной» которого выступает материальный живой **субъект** научной деятельности (остальными «углами» – информационно-смысловые структуры):

– **личность** исследователя (в данном аспекте – его *мировоззренческие ценности и установки*: зачастую неосознаваемый «дальний круг»; это – социально-философская сторона НПИ);

– научно-*журналистские знания* (теоретико-журналистская сторона НПИ);

– общенаучная *методология* (методолого-гносеологическая сторона НПИ).

Логическое развёртывание данной триады (научной парадигмы исследователя, НПИ) во внутренней структуре матрицы методов (категории научно-методологического поля, Н-МП), то есть ***синтез категорий***, позволили обосновать шесть уровней познания реальности с соответствующими им методологическими палитрами («наборами единиц», «кластерами», «слотами») получения, интерпретации и организации знаний.

1) уровень прикладных исследований – методики, инструкции и процедуры;

2) уровень эмпирических исследований – конкретный метод;

3) частнотеоретический уровень – подходы и методологии (дисциплинарные, «частные», «именные» теории);

4) парадигмальный – метатеории и парадигмы (междисциплинарные – «общие» или «мета-» теории);

5) мировоззренческий – общефилософские категории, принципы и основания;

6) концептуальный – идеалы (концепции человека) и Абсолюты.

Уже первое применение полученной матрицы методов к практике (доклад для воронежской конференции «Проблемы массовой коммуникации» (ВГУ, 2020) «О систематизации определений слова “журналистика”») (Дмитровский 2020: 21) дало положительный результат: в рамках первичного анализа понятия «журналистика» были выведены шесть определений феномена журналистики, базирующихся на эпистемологически обоснованном категориально-понятийном подходе:

1) Журналистика как ***ремесло***, *общий навык*. Соответствует понятию «личной лаборатории писателя», либо системе «моторных» навыков конкретного журналиста. «Журналистика» понимается как непосредственное *занятие* – создание соответствующих текстов; дневников, личных страниц (естественно, с известными оговорками).

2) Журналистика как *частная профессиональная* ***деятельность***, *специальное умение*. На данном уровне понятие журналистики определяется каждым исследователем персонально, применительно к теме его исследования и контексту: «работа пресс-службы», «журналист в горячей точке», «спортивный журналист», «внештатный автор», «профессиональные» (коммерческие) видеоблоги и так далее.

3) Журналистика как три достаточно самостоятельных ***сферы профессиональной деятельности***: журнализм, публицистика и беллетристика (Дмитровский 2008). На этом методологическом уровне в строгом значении под словом «журналистика» следует понимать публицистику – сферу исследования социальной действительности *в рамках и пределах* ***массовой коммуникации***. Точнее: деятельность по поиску и оглашению социальных проблем, их прогнозированию и обсуждению с целью установления приемлемого для общества способа разрешения последних. В широком смысле – массмедиа в целом, журналистика вообще. Неразличение данного нюанса до сих пор приводит к путанице и студентов, и теоретиков. Здесь «журналистика» не просто «умение» (вести блог или писать статьи), но *официально признанная профессия* – со всеми полагающимися институциональными атрибутами: трудовым контрактом, удостоверением, ответственностью перед законом и т.д…

4) Журналистика как ***национальная медиасистема*** (система массмедиа: включая все «воздействующие институты» – кино, литературу, моду, книгопечатание, театр и т.д.). То есть система

устранения избыточных мнений и формирования (через внедрение в массовое сознание) единого мировоззрения общества. Эту ***деятельность в рамках социальной коммуникации*** и изучает мета- (или общая) теория журналистики (Дмитровский 2016).

5) Журналистика как ключевой социальный ***механизм реализации базовых ментальных ценностей***. Для Экзистенциальной теории журналистики философским основанием выступает гуманитарно-идеологическая парадигма: самоидентификация России как одного из мировых культурно-исторических центров и выявление фундаментальных оснований русской цивилизации, «русского мира».

6) Журналистика как важнейший для функционирования общества ***базовый социальный институт***, обеспечивающий работу трёх остальных (экономика, культура, политика – по Т. Парсонсу) через поддержание «общественной коммуникации» (Дмитровский 2021) на основе ценностей любви (как идеала отношений) и взаимопонимания (как способа его достижения) с целью формирования солидарного, в терминологии русских философов – «соборного», справедливого общества.

Очевидно, что с точки зрения философско-антропологического подхода, изначально заявленного как базовый, обнаружился серьёзный эвристический потенциал категории Н-МП относительно исследования как онтологии журналистики, так и её теории: в частности, для повышения антропологичности, человекоцентричности методологии последней.

Теория и методология, ход исследования.

Матрица методов (как и методология в целом) отражает структуру сознания: «Сознание – не «чистая доска» в абсолютном смысле, у него есть внутренняя структура, строение, функции, имеющие априорный характер по отношению к любому возможному опыту как содержанию сознания» (Лебедев, 2008: 537). Отражая «структурность знания», Н-МП как базовая методологическая категория может и должна помочь структурировать те знания, что ещё не структурированы общей теорией. При этом важно учесть, что с антропологической точки зрения она отражает не только модель сознания и структуру знания, но и самого **живого конкретного человека**. Отчасти это находит понимание в современной науке: «Сознание и его продукты (переживания, аффекты, эмоции, ощущения, воспоминания, мысли, концепции, теории и т.д.) есть порождение деятельности самосознания

Я, отнесение всего внешнего и внутреннего опыта Я к самому себе как некому организующему центру и “точке отсчёта”» (Лебедев 2008: 537).

Однако понимание триады «Я – опыт – сознание» в системном подходе серьёзно ограничено указаниями на жёсткую иерархичность, подчинённость, ступенчатость трёхчастных структур. При этом в человеческой психике нет такой жёсткой односторонне «управленческой» иерархии уровней, тем более диктата надсознательно-априорных структур, как утверждает систематика. Точнее имеется, во-первых, не менее сильное «обратное давление», «давление снизу» бессознательной сферы психики и, во-вторых, значима деятельность экзистенциальной природы человека, основанной на сознательном личном выборе и ответственности за его последствия.

Это существенное противоречие нашло своё разрешение в принципе «одностороннего синтетического тождества» (Друскин 1995) Я.С.Друскина и основанном на нём методологическом принципе иерархической триады (Н.С.Вакуленко): «Иерархическая триада как метод предназначена для описания системных явлений, укорененных в онтологическом» (Вакуленко 2018:176).

Экзистенциальный философ Яков Семёнович Друскин (1902 – 1980), отчасти близкий по взглядам к Кьеркегору и Гуссерлю, участник эзотерического содружества поэтов и философов «Чинари» (Д.И.Хармс, А.И.Введенский, Н.М.Олейников, Л.С.Липавский), создал оригинальное учение о сущности и существовании человека. Одной из важнейших для нашего поиска проблем, рассмотренных мыслителем, является мысль о несамотождественности «Я» и личности человека (Авдеенков 2015).

Абстрактная формула одностороннего синтетического тождества выглядит следующим образом: «*А есть А, равное В. Само В не равно А*». «Друскин вводит синтетическое тождество, которое не устанавливает формальное равенство субъекта и предиката, но вносит новое содержание в субъект», – пишет исследователь творчества Якова Друскина А.Н.Авдеенков и отмечает, что применительно к проблеме идентичности одностороннее синтетическое тождество формулируется так:

Я есть я, тождественный себе самому, но я сам не тождественен себе.

Или: я есть я = я сам; я сам ≠ я.

И даёт расшифровку данной формулы: «Саму жизнь, акт жизни

человека можно назвать «Я», т.к. оно схватывает человека во всей его целостности. Однако мышление о жизни, утверждение в свободе выбора — это «Я сам», которое не может быть признано тождественным «Я». <…> Суждение «я есть я сам» высказывается с позиций здравого смысла, который в данном случае мало чем отличается от многих философских воззрений. Однако затем «Я сам» анализируется с концептуально иных позиций, наделяется другим содержанием, в результате выясняется, что обратное суждение не является верным и обращение не происходит» (Авдеенков 2015). Тем самым устанавливается формальное наличие двух слоёв сознания: условно верхнего «Я» и условно среднего «Я сам», уровня сущности и уровня явления. «При этом ноуменальное «Я» непознаваемо: в акте рефлексии, в когнитивных актах является только другое «Я», называемое Друскиным «Я сам», которое является интеллектуальному взору познающего» (Авдеенков 2015: 68).

Переход от Я ноуменального (в «чистом» виде находящегося целиком вне «жизненного выбора», во власти божественной воли), то есть акт выбора «эмпирического бытия», переход к «я сам» есть, по Друскину, первый выбор.

Второй акт выбора связан с «самочувствием», «мыслью о жизни», активностью выбора «я сам», в рамках которого и осуществляется человеческое существование (в поступке, слове и коммуникации). Как писал сам Я.С. Друскин, «самочувствие – все мои ощущения, чувства, восприятия, представления, воспоминания, желания, мысли, это весь мир, но как мой мир» (Друскин 2004: 638). То есть все ментальные состояния и данные опыта, получаемые человеком при помощи органов чувств – в процессе его *реального существования*. В результате второго выбора происходит разделение «самочувствия» опять же на принадлежащее «Я» (моё, сокровенное, «мой мир») и «не-Я» (чуждое, не-я). Фактически, «Я» выступает тем углом зрения, под которым человек смотрит сам на себя, рефлектирует о себе самом, находясь в том или ином экзистенциальном состоянии.

Можно говорить о том, что речь идёт о третьей составляющей сознания (третьем его слое) – его «нижнем», чувственно-эмпирическом, вторгающемся в «мир сознательного» бытия личности. И если «восприятия» (самочувствия, самовосприятия, апперцепции себя) составляют «мой мир», «моё», то остальные элементы – «представления» – несут деструктивное начало, заполоняя пространство личности самого разного рода «не-я»: «симулякрами»,

«кажимостями», «иллюзиями», «желаниями» – всем тем, что известный философ Дарио Саллас Соммер называл «социальным гипнозом» (Соммэр 2020).

Как не вспомнить учение Будды – зеркало, позволяющее уму узнать свою вечную, вневременную сознательную сущность (познать самого себя), как единство субъекта, объекта и действия.

С точки зрения буддизма мы «запутанны», так как ум, подобно глазу, не может видеть сам себя. Запутанность возникает потому, что «нетренированный ум не способен увидеть, что все три фактора – воспринимающий, воспринимаемые объекты и сам акт восприятия – взаимодействуют, обуславливают друг друга и являются аспектами одного целого» (Нидал 2009: 42). Возникает своего рода замкнутый круг восприятия-порождения, из которого незаметно «выпадает» сам воспринимающий, ум. Из-за этого скоротечные, меняющиеся, обусловленные состояния явлений действительности (как внешние, так и внутренние) воспринимаются человеком как реальные и отдельные от него – как «объективные». А закономерные следствия своих поступков – как чудеса и «невероятные совпадения», либо «несправедливости» и несчастья, абсурд.

Очевиден общий методологический принцип: что «ноуменальное Я» Друскина, что «ум» буддистов, выступают неким «высшим», что требует осознания самого себя, выражения и определения собственной сущности, но не в себе самой, а в явленности в «среднем», «сознательном» слое бытия – в «я сам» Друскина, «майе» буддистов. При этом существует третий «слой» – «нижнее», тоже мощно воздействующий на среднее: «восприятия и представления» Друскина и «обусловленные состояния» буддистов, действующие хаотично и деструктивно и погружающие человека, соответственно, в «грех и геенну огненную» либо в «запутанность и череду новых перерождений».

Об этом принципе иерархической триады, но уже в методологическом аспекте, пишет автор метода Н.С. Вакуленко: «Верхнее иерархической триады понимается как принципиально неопределимое, но о котором можно нечто сказать из анализа среднего, которое есть верхнее (по одностороннему синтетическому тождеству Я. С. Друскина); но ни то, ни другое не являются не только характеристиками, но и дополнением друг друга» (Вакуленко 2018: 179).

Схематически принцип иерархической триады выглядит

следующим образом:

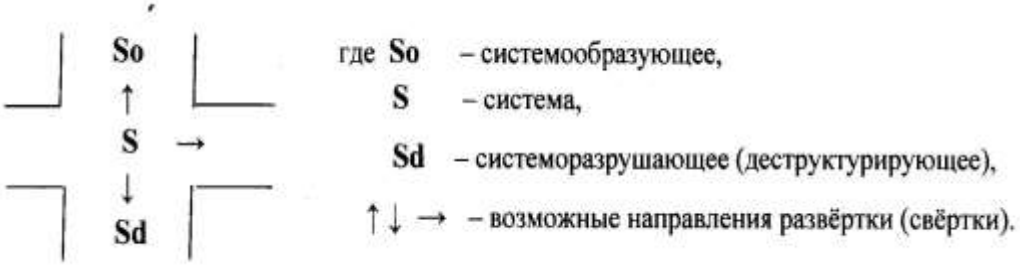

Рис. 1. Строение иерархической триады

Где (**So**) есть системообразующее, «верхнее» триады. Это начало, что порождает (но может и не породить) систему. «Среднее», (**S**), есть собственно система, точнее то, что описывает (систематизирует) нижнее или не описывает его. Нижнее (**Sd**) – то, что систематизируется средним, а само оказывает деструктурирующее воздействие на систему (**S**) (Вакуленко 2018: 177).

Другими словами, функционал триады включает три тенденции:

1. Активность верхнего уровня в виде интуиций и вопрошаний; последние требуют формализации и ясного выражения, приводя второй уровень к предельной напряжённости: если второй уровень закрыт для довления верхнего, он начинает движение к деструкции (деградации, смерти) через «утилитарную функцию», «анемию» или «кристаллизацию».

2. Активность нижнего уровня, через эмоции и иллюзии; последние требуют для своего выражения и систематизации самых «неясных средств»: жестов, междометий, мимики и т.д., то есть избирают для воплощения всё, что обладает мнимой значимостью без ясности высказывания (штампы, клише, жаргонные выражения и т.д.). Требование «разоблачения» мнимости и иллюзорности в свою очередь приводит средний уровень в динамическое, напряжённое состояние.

3. Остаётся активность среднего уровня, определяющая открытость или закрытость к действию остальных слоев и ведущая к постоянной устремленности сознания к гармонии при «динамическом равновесии» трех уровней; к гениальности – при довлении верхнего, к «шизофрении» – при довлении среднего и к «параноидальности» – при довлении нижнего. В случае закрытости к нижнему уровню средний уровень приходит к анемичности (при закрытости среднего и к верхнему уровню), либо к слиянию с верхним, либо кристаллизации (успокоении на «неясном», слиянии с нижним). В любом случае замкнутая на «срединном» система гибнет.

Н.С. Вакуленко даёт сущностную характеристику иерархических триад: «Иерархическая триада не есть описание внутреннего устройства системы, а представляет систему в развёртке – с её образующим и деструктурирующим: верхнее – системообразующее, то, что существует и дает существование среднему и через него – нижнему (опосредованно). Нижнее – некий «материал» (по сути – никакой) и может содержать всё что угодно, кроме того, что делает среднее системным, поэтому одного нижнего для описания среднего недостаточно. Избыток того, что содержится в проявлениях среднего, есть верхнее; этот избыток мы называем и говорим, что он из верхней области, которую мы не можем описать. В среднем свёрнута «трехкомпонентность», которая разворачивается; или, иными словами, среднее – это верхнее с точки зрения среднего» (Вакуленко 2018: 179).

И, далее, уточняет саму «механику», процедуру данного методологического приёма: «Триада как метод функционирует следующим образом. Она, как правило, обнаруживается либо по средней, либо по нижней своей составляющей (непосредственно и только по верхней – крайне редко). Далее происходит развёртка триады. Если обнаружено среднее, то развёртка происходит вниз и вверх; если обнаружено нижнее, то развёртка происходит вверх. Триада также может развёртываться из среднего горизонтально в разных ракурсах в***и***дения. Существуют разные типы иерархических триад, основными из которых являются методологические» (Вакуленко 2018: 178).

Кроме того, помимо сложных отношений внутри триады, необходимым признаком её выступают антиномии, «открывающие» систему: их наличие характеризует триаду не как бесконечную циклическую спираль (двухмерную диалектическую модель «накопление изменений – отрицание – снятие»), а как уникальное многомерное пространство со своими внутренними отношениями и законами выявления, преобразования, развития и разрушения.

Итак, иерархическая триада, что заложено в самом её названии, представляет собой сложноорганизованное вертикальное тождество:

- верхнее – задающее параметры системы («идеалы»);
- нижнее – подвергаемые системой (Разумом) структурированию, организации и управлению деструктивные, энтропийные начала сущего («материал»);
- среднее – сложная онтологическая система, упорядочивающая

хаотичные реальности (абсурд) бытия («форма»).

Данное тождество разворачивается в процессе анализа в модель многомерного пространства сложных свойств и отношений, составляющих онтологический функционал исследуемого объекта. Под *функционалом* будем понимать совокупность отношений и взаимосвязей элементов системы, способных выполнять определённые функции либо задачи в зависимости от вызовов среды и внутреннего целеполагания объекта.

Результаты

Уяснив методологический принцип действия / функционирования иерархической триады, основанной на экзистенциально-антропологическом постулате одностороннего синтетического тождества (Я => Я-сам <=> бытие), можно интегрировать полученные знания в описываемую нами категорию научно-методологического поля. Переведём названия общих уровней триады с языка философских образов на язык науки, уточнив их сущностно и категориально. В нашем случае, поскольку названия уровней категории научно-методологического поля уже сформулированы, а использование как терминов слов «высшее, среднее, нижнее» довольно сумбурно, данные метауровни получили собственные названия.

Уровень «высшего» – **интегральный** (метауровень триады).

Причин две, первая философская: поскольку метод разрабатывается в рамках философско-антропологического подхода, то основной «мѣрой бытия» выступает человек, точнее, его гносеологический конструкт – иерархически-уровневая модель личности журналиста. Её уровень «Личности» соответствует «концептуальному уровню» Н-МП и отражает высшую степень интеграции личности человека, максимальную её цельность, целостность – высшую степень развития в рамках биологически обусловленной «телесности».

Вторая причина – научно-методологическая: характер соподчинённости в иерархических структурах, когда «обобщённая информация с различных уровней поступает на более высокий уровень системы, где она обрабатывается и оценивается, и в отношении неё принимаются соответствующие управленческие решения, которые передаются на нижележащие уровни, а также на самый высокий уровень системы (блок её управления) для принятия интегральных

решений о поведении системы в целом…» (Лебедев, 2008: 201). «Высшее» и есть интегрирующий (интегральный) блок самоуправления системы («Я», «Наблюдатель»; «субстанциональный деятель» Н.О.Лосского и т.д.).

Уровень «среднего» – **функциональный** (мезоуровень), если принять, что среднее представляет собой пространственно-временной континуум, в котором только и возможно «ясное выражение интенций и вопрошаний» верхнего (философ Дж.Беркли утверждает: «Существовать – значит быть воспринимаемым»). Воспринимается только функционирующее, сущее. Возможность «восприятия» и предоставляет так называемое актуализированное, наличное бытие, «вещный» эмпирический мир. Мир объективной реальности, в отличие от трансцендентной (идеальной) реальности «высшего» или потенциальной, вероятностной реальности «нижнего».

Здесь отношения между «системой» и «средой» как раз и определяются понятием «жизни» (раз уж мы говорим о человеке и социальных системах – предмете гуманитарных исследований), «состоящей в избирательном обмене веществом, энергией и информацией с окружающей средой, в их переработке и усвоении для осуществления своих функций, в способности к самовоспроизведению, саморедупликации (с некоторыми вариациями), в адаптивности к среде (в достаточно широком диапазоне)» (Лебедев, 2008: 200) и собственно «функции» (реализации своих «”внутренних” экзистенциально-интегральных» целей).

Уровень «нижнего» – **потенциальный** (микроуровень триады). Если среднее иерархической триады характеризуется такими понятиями, как «действительность» и «необходимость» («обусловленность»), то мир нижнего в качестве бинарной оппозиции может быть охарактеризован понятием «возможности»: «По отношению к действительности, к тому, что актуально существует, возможность выступает как предшествующее ей состояние, как додействительность. Понимаемая не в логически-виртуальном, а в реальном, объективном смысле, возможность является специфическим видом объективного бытия, которое греки впервые обозначили как особый мир потенций, что первичен по отношению к действительному, материальному миру, представляющему собой лишь ничтожно малую, реализованную часть бесконечного мира потенций, мира вечного, неизменного, абсолютного в своей полноте, структурном и функциональном многообразии (В.В.Налимов)» (Лебедев 2008: 181-

182).

Указанные шесть уровней Н-МП чётко распределяются по своим функционально-содержательным характеристикам на три «подгруппы» в соответствии с тремя уровнями иерархической триады:

Интегральный уровень триады в целом:

- концептуальный и
- мировоззренческий уровни Н-МП.

Функциональный уровень триады:

- парадигмальный и
- теоретический уровни Н-МП.

Потенциальный уровень триады:

- эмпирический и
- прикладной уровни Н-МП.

Основная закономерность: явления нижележащего уровня Н-МП объясняются («балансируются») в категориях верхнего. «Избыточные», «эмерджентные» свойства феноменов нижнего уровня есть проявления сущностей верхнего.

Основными «единицами» описания, анализа и отражения реальности в матрице методов (Н-МП) станут следующие. Вертикальная развёртка:

1) Прикладной уровень. Основа знания – наглядно-чувственные, онтологические и гносеологические ***факты*** действительности, получаемые при помощи эмпирических, как правило, методов: наблюдения, описания, измерения и эксперимента (факт в журналистике – *совокупность проверяемых деталей*) (Дмитровский, 2014). Будучи конкретными ситуациями наличного бытия, они представляют собой своего рода «статистику частного», материал для дальнейшего упорядочения (классификации) и осмысления (определения).

Факты могут иметь либо случайный, либо закономерный характер. В процессе сбора и обобщения они преобразуются сознанием исследователя в факты систематические – концептуальные либо научные. Разница в том, что научные тяготеют к объективности – по крайней мере, декларативно (метод, дефиниция понятия, классификация), а концептуальные могут строиться на любом герменевтическом основании – бытовом, мифологическом, философском или религиозном.

В этом и заключён смысл, к примеру, жанра обзора (рассмотрение факта наличия чего-либо: мнений, ситуаций, товаров и т.д.), дневника

(перечисление фактов личного быта), блога (записи значимых оригинальных мыслей), заметки (сообщение о неизвестном, «новом» факте) и других. И если для журналистики интерес представляют все факты и события, в том числе и единичные, во всей их жизненной уникальности и яркости, то для научного мышления интерес представляют лишь их *понятийные формы (гносеологические конструкты)*: **понятие** – атом научного знания и простейшая логическая форма его презентации. Структурно-методологической формой организации прикладного знания выступит ***методика***.

2) Следующая эмпирическая единица описания реальности – ***закономерность***, иногда обозначаемая в научной методологии словосочетанием «эмпирический закон», а в журналистской – словом «явление», то есть система фактов. В самом слове кроется расшифровка его значения: законоМЪРНОСТЬ, то есть количественное проявление какого-либо общего закона; степень его проявленности, его бытийная мѣра. Можно также сказать, что закономерность, понимаемая как «эмпирический закон», выступает *частным проявлением* общего закона. Например, смена времён года – закономерность, но если попытаться выявить общий закон, управляющий этим феноменом, то придётся обратиться к физике и астрономии, к законам движения небесных тел (в свою очередь являющихся закономерностями других, ещё более общих законов – космических констант; в синергетике эту мысль (универсалию) развивает теория фракталов).

Для свед***е***ния фактов в систему они должны быть понятийно определены. Дать определение фактам – значит выделить их сущностные характеристики, что позволяет их классифицировать и критериально обобщить, сгруппировать. Формой обобщения фактов, преобразованных в понятия, выступает **категория** либо **концепт**. Разница между ними в степени обобщения и проработки знания (ср. прилагательное «категоричный» (ответ), то есть однозначный, и «концептуальный»: общий, но верный по сути, в принципе; категория всегда стремится к конкретности, концепт может быть достаточно «размыт»). Критериально-категориальная характеристика – важнейший элемент анализа ситуации, как в науке, так и в журнализме. Здесь организационно-методологической (текстосозидающей) структурой выступает ***концепция***: взгляд на ту или иную ситуацию, включающий в себя её чёткую формулировку, понимание и объяснение. Без этого будет невозможен переход на более высокий уровень обобщения – к теории (в науке) и социальной

проблеме (в публицистике).

В журналистике, как правило, обобщение связано с исследованием конкретной социальной ситуации, и потому чаще всего речь сразу идёт о ***теме-проблеме***. Здесь уже необходим конкретный метод (к примеру, метод шести дорожек, техника прогнозного поиска, расследовательские и компьютерные технологии) и хотя бы простейшая методика его применения, поскольку из темы в широком смысле (объекта) необходимо выделить тему в узком смысле – конкретное событие, предмет изучения и описания. В публицистике для обсуждения подобной комбинации темы-проблемы-метода используется статья и её жанровые разновидности – обозрение, версия, рецензия, комментарий, иногда – очерковые и сатирические формы.

3) На следующем, теоретическом, уровне единицей реальности выступает теоретическая, эмпирическая либо прикладная ***проблема***. Под проблемой будем понимать вопрос (круг вопросов) или ситуацию, требующих немедленного разрешения. Длительная нерешённость проблем приводит к открытому столкновению сторон – *конфликту*. Можно говорить о том, что научная проблема, в общем виде, характеризуется *сознательной* формулировкой вопросов, возникающих в ходе познания действительности и требующих ответа (этим определяется важнейшая характеристика научного поиска – его актуальность и практическая польза). В связке с проблемой, как сознательно поставленным вопросом, находится ***гипотеза*** – предположительный либо утвердительный «концептуальный» ответ, сформулированный на основе обобщения фактов (в первом случае он требует проверки, во втором – доказательств).

Гносеологическим конструктом, отражающим проблему, является *объективное* ***противоречие***: «противоречие между объективно существующими явлениями, процессами, системами с противоположными свойствами, <…> включая научное познание (отношение между конкурирующими гипотезами, исследовательскими программами, концепциями, теориями, уровнями научного знания и др.)» (Лебедев, 2008: 243-244). С точки зрения диалектики, необходимая степень разнообразия любой системы обязательно предполагает наличие взаимодействия («борьбы») её противоположных сторон. Противоречие в современной науке понимается двояко. С одной стороны, его наличие может быть источником гибели обеих противоположностей (и всей системы в целом) и от него надо «избавляться»; кроме того, запрещено

противоречие в системе формальной логики. С другой стороны, наличие противоположностей может приводить к развитию одной из них («борьба старого с новым») либо системы целиком («многоукладная экономика», «социальная ротация», «конкурирование информационных матриц в медиа» и др.).

Разработка решения конкретного конфликта, проблемы или – шире – противоречия (социальной задачи) в целом требует применения хорошо опробованного методологического подхода или разработки новой, уникальной методологии. Обоснованием применения того или иного методологического подхода (методологии) к проблеме практики выступает **частная (дисциплинарная) теория** какой-либо науки: например, квантовая теория в физике, теория личности в психологии, теория гражданского общества в политологии, теория социального института в социологии, теория журнализма (*беллетристики, публицистики*) в метатеории журналистики.

Кроме того, на роль теории может претендовать и концепция, доказательно разросшаяся до теории. Например, концепция партийной печати, существовавшая на задворках научной мысли длительное время, была переосмыслена В.И. Ульяновым-Лениным до базисного концепта всей последующей советской (коммунистической) теории журналистики именно на основе анализа современной автору социальной практики – политической борьбы XIX-го – начала XX-го веков. Концепция партийной печати стала следствием выдвинутой и обоснованной В.И. Ульяновым-Лениным на 2-м партийном съезде РСДРП (1903 г.) идеи «партии нового типа» – партии профессиональных революционеров. Эту идею в конце 40-х годов XX-го века взяли на вооружение передовые страны Запада, в частности США, и пользуются ею до сих пор: именно небольшие партии профессиональных революционеров устраивают по всему миру «цветные» революции. Как это ни парадоксально прозвучит, но в СССР идеи В. Ленина (как и коммуниста А. Грамши) реализованы, по большому счёту, не были.

4) На следующем, парадигмальном уровне, эмпирической единицей выступает общий **закон**. Определение «общий» в данном случае означает «в совокупности его закономерностей». «Закон – существенная, повторяющаяся, устойчивая связь между различного рода материальными и идеальными предметами (природными, социальными, психическими, мыслительными). Открытие,

конструирование, формулировка и обоснование законов – одна из главных задач научного познания» (Лебедев, 2008: 200).

Иными словами, общие законы представляют собой осознанные и внятно сформулированные утверждения о свойствах и отношениях идеальных объектов, вводимых наукой в систему знания с целью максимально адекватной интерпретации наблюдаемых реальных феноменов и явлений действительности (природных, социальных, психических, экспериментальных и т.д.).

Наиболее универсальные идеальные объекты (квант, точка, смысл, коммуникация) и законы (принципы) их функционирования получают, по Т. Куну, статус «парадигмальных». Впрочем, следует отметить, что сам Т. Кун едва не отказался от этого термина, данного в первоначальном варианте книги «Структура научных революций». Точнее, в «Дополнении 1969 года», учтя критику относительно расплывчатости понятия «парадигма», Т. Кун признал, что «утратил над ним контроль» и ввёл понятие «дисциплинарной матрицы». Он писал: «”дисциплинарная” потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине; “матрица” – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации. Все или большинство предписаний из той группы предписаний, которую я в первоначальном тексте называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, являются компонентами дисциплинарной матрицы. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое» (Цит. по Дудина, 2018: 108). На практике понятие «дисциплинарной матрицы» (несмотря на свою более детальную проработанность) не получило массового признания, оставшись, тем не менее, мощным аналитическим конструктом. А вот понятие «парадигмы» приобрело некий космологический, концептуальный характер и стало использоваться для обозначения, скорее, неких фундаментальных границ в подходах, стилях мышления, базовых идеалах и нормах научного исследования.

Для нас важны оба этих понятия. Во-первых, категория научно-методологического поля (Н-МП) также представляет собой матрицу, только не узкодисциплинарную, а междисциплинарную (в рамках социогуманитарной парадигмы, естественно), концентрирующую исследовательский интерес на внутренней структуре той целостности, сущность и существование которой подвергается научному анализу. Во-

вторых, в социальной практике парадигмальному уровню исследования соответствуют институции, относящиеся к классу «коллективно-матричных (коллективномыслящих) структур», такие как партия, страта, социальный институт, дискурсивная практика, эгрегор, субкультура, «невидимый колледж» и т.п. Поэтому данный, парадигмальный, уровень Н-МП вполне можно назвать также и «коллективно-матричным».

Соответственно, предметом исследовательского интереса, лишь констатируемого основными понятиями парадигмы, здесь могут выступать общие законы функционирования тех или иных идеальных сущностей: картин мира, нормативных установок, властных интенций, дискурсивно-языковых практик. Основной формально-логической формой познания выступит **модель** («схема») реальности. А наиболее адекватными формами отражения и организации знания – ***метатеория*** (общая теория) и ***институт пропаганды***.

В данном случае важно различать пропаганду как пропагандирование, популяризацию и собственно социально-организационную форму предъявления знаний. Институт пропаганды – Конгрегация распространения веры (Congregatio de propaganda fide) – был создан Ватиканом в 1622 году и представлял собой *специальную организацию*, призванную «удержать веру» и сохранить церковь через распространение конкретной *догматической идеологии* (Гуревич 1978: 15). Причём прикрываясь «научной» идеей совершенствования человека. К. Маркс иронически называл эту фразеологию «человеколюбивым промыслом» и говорил о своего рода монополии на «улучшение человеческого рода», которая с 1640 года целиком стала принадлежать Конгрегации (Гуревич 1978: 15).

Таким образом, рассмотренные четыре уровня матрицы научно-методологического поля (Н-МП) составят так или иначе проявленный слой реальности – как в его *потенциальном*, латентно-довлеющем, так и актуализированном, *функциональном* аспектах действительности. В любом случае можно говорить о непосредственно явленном, в определённом смысле вещественно-материальном мире чувств, ощущений и интенций, действий и бытия. Перейдём к рассмотрению «мира горнего», «высшего», что не дан нам в ощущениях непосредственных, но раскрывает себя в умозрительно-поведенческом, экзистенциальном опыте, управляя физическими реальностями через сложную систему «информационно-энергетических» опосредований.

5) Уровень мировоззрения. С точки зрения традиционно

принятого в науке деления знания по уровням, мировоззренческий уровень соответствует высшему уровню знания, обозначаемому термином «метатеоретическое знание». Его составляют так называемые общефилософские категории, принципы и основания. В частности, совокупность «аксиом, принципов, научных картин мира, идеалов и норм научного исследования и др.» (Лебедев 2008: 433).

С формально-логической точки зрения, поскольку мысленные концепты данного уровня содержат не только «чистое» знание, но и ценностные установки, наиболее адекватной формой отражения реальности на данном уровне выступит конструкт **картина мира**. В науке, соответственно, её научные разновидности: физическая картина мира, химическая картина мира, языковая картина мира и др.

Поскольку, напомним, данная матрица строится в рамках философско-антропологического подхода, то содержательной «эмпирической» единицей знания на первом, «нижнем» – мировоззренческом – уровне интегрального метауровня триады выступит ***ментальность***, различного рода ***ментальные конструкты*** (во всей совокупности их функциональных единиц и ментальных практик). Именно ментальность определяет характер поведения представителей того или иного народа, национальности, ярко выраженной социальной группы (субкультуры, дискурса, страты) в социальной практике: коллективно-групповой на парадигмально-матричном уровне и индивидуально-личностной на теоретически-деятельностном уровне. Этими вопросами непосредственно занимается межэтническая (Блохин 2013) и цивилизационная журналистика (Гонтарев 2011).

Термин «ментальность» происходит от латинского «ум, мышление, образ мыслей, душевный склад» и обозначает общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков духа, создающую картину мира и скрепляющую единство культурной традиции или какого-либо сообщества. «Ментальность – элемент сознания, шире и объемнее «мнения» или «установки», поэтому «ментальность» как понятие позволяет объединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознаваемыми культуральными шифрами, основанными на бинарных оппозициях (природное/культурное, эмоциональное/рациональное, индивидуальное/общественное)» (Косов 2007:76).

Соответственно, структурно-методологической формой

организации научного знания на данном уровне выступит **идеология** (идеологическая доктрина). Термин «идеология» (греч. *idea* — «мысль, понятие» + *logos* — «слово, учение») обозначает *учение об идеях* (*взглядах*), а также *систему взглядов (идей).* А потому сам термин «идеология», по сути дела, не несёт ни положительных, ни негативных коннотаций, отражая лишь форму организации знания. Однако, как отмечает Е.П. Прохоров, «вокруг самого термина и скрывающегося за ним явления идет непрерывная полемика, часто с переосмыслением его сути» (Прохоров, 2011:62). Это и понятно, являясь отражением базовых представлений общества о важнейших аспектах его бытия, идеология предполагает конкретные жизненные практики, которые могут вызывать диаметрально противоположное к ним отношение (ср. «базовые институциональные матрицы» С.Г. Кирдиной) (Кирдина 2014).

В целом же под идеологией Е.П. Прохоров предлагает понимать «систему взглядов, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и способы их разрешения, определяются цели и средства (программы) социальной деятельности государственных образований, общественных объединений, различных социальных субъектов по поддержанию status quo или преобразованию социальных отношений в соответствии с интересами и потребностями носителей данной идеологии» (Прохоров 2011: 62-63).

Таким образом, можно говорить о том, что идеология представляет собой детально разработанный концепт социального устройства, исходящий в своих организационно-смысловых императивах из строго определённой «идеи» (идеала). И как раз именно эта «идея» (идеал) и становится в каждом конкретном случае камнем преткновения (но не сама «идеология» как организационная форма, «матрица»: весь вопрос в наполнении последней). Чем же наполняются идеологические формы?

6) Концептуальный уровень – высший уровень Н-МП-матрицы – оперирует такими жизненными универсалиями как **идеалы**. Традиционно под идеалами понимаются базовые универсальные цели и ценности человеческой деятельности, такие как Истина, Добро, Красота, Справедливость, Любовь, Знание, Польза и другие. Ценностный мир человека (и человечества) многомерен, он включает, помимо всеобщих ценностей, ещё и множество партикулярных устремлений, интересов и желаний. Однако, что особенно важно для

нашего рассуждения, «уровень фундаментальных (всеобщих) ценностей связан с сущностным бытием человека, отражает его природу и отличие от всех других существ» (Лебедев 2008: 273).

Иначе говоря, когда разговор заходит об идеалах, речь всегда идёт о содержательных конструктах ***концепции человека***. Идеалы (концепции человека) и Абсолюты, с ними связанные, выступают той самой «идеей», вокруг которой отстраивается та или иная идеологическая система, конкретное мировоззрение, которые затем, ещё уровнем ниже – в непосредственной практике – реализуются в виде конкретных (типических) институций и социальных структур, а также перформативных коллективных и индивидуальных практик.

В классической философии данная проблема обозначена как проблема природы и сущности человека. Природа человека, что следует уже из этимологии слова («род» + территория его проживания, «среда») характеризует естественную порождённость человека, его родство со всем сущим и жизнью вообще (три «тайны»: «происхождение», «особость» и «пол»). «В свою очередь, сущностью человека кто-то объявлял сознание (или разум), кто-то – мораль, игру, волю, бессознательные влечения, труд, общественные связи, символическую деятельность…» (Мясникова 2017: 218). Именно представления о сущности человека составляют содержательное наполнение (идеал) той или иной концепции человека, а также определяют набор абсолютов (предельно значимых понятий, ключевых характеристик, императивов и установок) идеологемы, формулируемой в дальнейшем (уровнем ниже) в виде детализированной доктрины, локализованного мировоззрения или идеологической установки в науке.

Структурно-методологической формой организации научного знания на данном уровне выступит **учение**. Под учением будем понимать основанное на индивидуальном экзистенциальном опыте представление о сущности человека и взаимоотношениях с окружающей действительностью, соответствующее системе ценностей и вытекающей из них поведенческой практике, изложенное в свободной – зачастую лишь устной – форме. Как правило, учения называются либо по лежащему в их основе абсолюту (философия любви, физика морали, путь недеяния, исихазм и др.), либо по имени их автора – христианство, буддизм, магометанство, толстовство, учение Гурджиева-Блаватской-Рерихов и т.д. Так, учение о том, как человеку перейти от неподлинного существования к подлинному бытию есть

экзистенциализм, а его отдельные направления именуются по персоналиям сторонников (Кьеркегора, Хайдеггера, Сартра, Ясперса).

Таким образом, вертикальную развёртку Н-МП-матрицы (матрицы методов медиаисследования) с точки зрения философско-антропологического подхода можно представить в виде таблицы:

Таблица 1. Матрица методов медиаисследования (Н-МП-матрица), основа метода структурно-полевого анализа медиадискурса.

Метауровни Н-МП-матрицы как иерархической триады	**Уровни Н-МП-матрицы (категории научно-методологического поля)**	**Единицы знания и их Формально-содержательная организация в Н-МП-матрице**
Интегративный («верхнее»)	концептуальный	Идеал – концепция человека – учение
	мировоззренческий	Ментальность – картина мира – идеология
Функциональный («среднее»)	парадигмальный	Закон – модель – метатеория
	теоретический	Проблема – противоречие – теория
Потенциальный («нижнее»)	эмпирический	Закономерность – категория – концепция
	прикладной	Факт – понятие – методика

Перейдём теперь ко второй части характеристики метода структурно-полевого анализа медиадискурса – описанию его горизонтальной развёртки.

Последняя предполагает две операции: понятийный анализ объекта и собственно «полевой», дискурсивный.

I. Понятийный анализ предполагает общее ознакомление с сущностью исследуемого объекта (практической проблемы либо сознательно сформулированного вопроса относительно познаваемой реальности). Для этого имеющееся его «рабочее» определение подставляется в матрицу и определяется общий уровень его понимания – эмпирически-потенциальный, «идеальный» или функциональный. Затем уровень детализируется до методологически-матричного и сущность объекта понятийно уточняется. Исходя из полученной категории, даётся первое определение объекта исследования, а затем, в процессе вертикальной развёртки – и остальные его трактовки.

В принципе, несмотря на то, что уже формулировка данных

определений объекта есть существенный научный результат, анализ может быть значительно углублен, если представить исследуемый объект либо через противоречие (диаду; в виде внутреннего антагонизма или диалектической пары – бинарной оппозиции), либо через триаду (триалектический баланс). Например, можно воспользоваться методом кругов Эйлера. Так, журналистика, представленная кругами «журнализм», «публицистика» и «беллетристика», наложенными друг на друга, даёт неожиданные представления и понимания о структуре и характере национальной медиасистемы на эмпирико-прикладном (и не только) уровнях…

Впрочем, это уже переход к собственно полевому анализу. Основная идея его заключается в том, что объект представляется в виде схемы-«поля» – от триады-треугольника (во всех её методологических разновидностях; первой плоскостной фигуры) до, к примеру, пентаграммы SWOT-анализа.

II. В рамках разработки метода структурно-полевого анализа медиадискурса мы остановились на фигуре гексаграммы. Объясняется это тем, что, во-первых, дискурс характеризуется ограниченным рядом интегральных характеристик (таких как «язык», «институции», «власть» и др.), а во-вторых тем, что фигура гексаграммы (составленная из наложенных друг на друга восходящей и нисходящей триад) достаточно адекватно отражает эти основные характеристики (категории) дискурса (дискурсивной практики). В-третьих, можно отметить, что излишнее увеличение единиц анализа существенно его усложняет и затрудняет. Хотя, возможно, на первый взгляд может показаться, что ограничение шестью характеристиками и ведёт к некоторому упрощению, редукции жизненного разнообразия дискурса. Однако, начертив гексаграмму, любой желающий может убедиться в наличии ещё как минимум шести триад второго порядка, а с учётом возникшей внутренней структуры – то и нескольких десятков третьего.

В статье «Категория научно-методологического поля медиаисследований как дискурс» (Дмитровский 2020) мы подробно сопоставляли категорию научно-методологического поля и дискурс (дискурсивные практики), поэтому в данном рассуждении остановимся лишь на нескольких важных аспектах, не вошедших в статью.

Метод гексаграммы относится к классу категориально-символьных. Мысль о том, что символика (использование символов для изучения различных сущностных аспектов объектов) поныне актуальна в познавательной деятельности человека, зиждется, во-

первых, на большом историческом опыте человечества, а во-вторых, на реальном эвристическом потенциале схемо-символических (графических) методов как когнитивных шаблонов поиска и упаковки знаний. В данном контексте несколько иную трактовку получают два важных для нас понятия – «категория» и «символ»:

«**Категория** – единица организации знания, отличающаяся свойством всеобщности, предельности, целостности; её можно определить родами знания (Аристотель) о родах бытия (Платон); это единицы знания, репрезентативные в отношении всех имеющихся знаний об объекте. При соединении в (категориальные) схемы они выполняют функцию конструкций, управляющих мышлением (И. Кант).

Символ – изображение, соединяющее технологию организации знания определённого типа с метафизическим смыслом; выступает не только как инструмент упаковки знания, но и как фактор усиления межполушарного диалога, соединения потенциалов логического и образного, рационального и внерационального мышления» (Боуш, 2020: 140).

Сам категориально-символьный метод «Гексаграмма» (так называемая «Звезда Давида») представляет собой два совмещённых треугольника. Треугольник с направленной вверх вершиной представляет собой восходящую триаду, вершиной вниз – нисходящую. Это позволяет выделить в объекте исследования (символически отобразить и взаимосвязанно осмыслить) одновременно два противоположных аспекта (восходящий и нисходящий потоки; прогрессивные и регрессивные факторы системы; элементы, служащие развитию, либо регрессу-деградации и т.п.). Продуктивность методу придаёт рассмотрение объекта не просто как баланса антагонистов, но с возможностью интерпретации системы как обладающей гомеостазом.

Поскольку предметом нашего рассмотрения является человек, то в дискурсивной практике были выделены следующие компоненты триад.

Основные категории восходящей триады: «Язык-Речь» (код), «Дискурсивное древо / Иерархия авторитетов» (целеполагание), «Институции и сообщество» (учение и учителя; аттрактор).

Основные категории нисходящей триады: «Власть» («воронка социальности»: принудительно-силовой аспект дискурсивной практики), «Пояс символов» (смысловая граница дискурсивного поля), «Дискурсивная слепота» (запреты и враги; странный аттрактор).

Далее анализ строится в зависимости от масштаба (по метауровням, либо по категориально-методологическим) и конкретных задач исследования (проблемно-тематической направленности). Распределение категорий также может быть свободным: либо по триадам, либо «списком», в зависимости от значимости и исследовательской задачи. Но, как правило, смысл метода гексаграммы заключён именно в том, чтобы «упаковать» противоречие в наглядную и подробную эвристичную схему.

Сам анализ в целом может иметь индуктивный («восходящий» от эмпирики) или дедуктивный («нисходящий» концептуальный) характер. Либо попеременный, если категория развёртывается из среднего.

Список литературы

Авдеенков А.Н. «Некоторое равновесие с небольшой погрешностью»: экзистенциальная философия Я.С.Друскина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2015. – Вып. 3 (23). – С. 65-74.

Блохин, И.Н. Журналистика в этнокультурном взаимодействии: учебное пособие: Учебное пособие / И.Н. Блохин. – СПб: СПбГУ, 2013. – 198 с.: ISBN 978-5-288-05438-9

Боуш Г.Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 227 с. – (Высшее образование: Аспирантура)

Вакуленко Н.С. Иерархическая триада как методологический принцип / Н.С.Вакуленко. – Христианское чтение. – №2, 2018. – С. 173-184.

Вартанова Е.Л. Современные российские исследования СМИ: обновление теоретических подходов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 2015. – № 6. – С. 5-26.

Гонтарев Б.А. СМИ и мировые цивилизации. Освещение проблем цивилизации в СМИ на Западе и в России. Учебное пособие для студентов факультета Международной журналистики МГИМО / Б.А. Гонтарев. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М: МГИМО-Университет, 2011. — 308 с.

Гуревич П.С. Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М., – 1978. – С.15.

Дмитровский А.Л. Категория научно-методологического поля медиаисследований как дискурс // Современный дискурс-анализ. – 2020. – № 2-1 (26). – С. 12-25.

Дмитровский А.Л. На пути к общей теории журналистики: методологическая матрица // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 85-92; № 2. – С. 82-90.

Дмитровский А.Л. О понятии «общественная коммуникация» и ее видах // Отечественная журналистика: от эпохи Петра I до наших дней. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2021. – 38 с. – С. 12-15.

Дмитровский А.Л. О систематизации определений слова «журналистика» // Проблемы массовой коммуникации. Материалы междунар. науч.-практ. конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью 14-16 мая 2020 г. Ч. 1. / Под общ. ред. проф. В. В. Тулупова. – Воронеж: ф-тет журналистики ВГУ, 2020. – С. 20-23.

Дмитровский А.Л. Объект и предмет общей теории журналистики // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3-1 (20). – С. 16-22.

Дмитровский А.Л. Проблема факта в медиатексте // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1 (57). – С. 203-213.

Дмитровский, А. Л. «Журналистика», «публицистика» и другие – к терминологической ясности / А.Л. Дмитровский // Теория журналистики: анализ концепций: сб. ст. / ред.-сост. М.Н.Ким. СПб.: Фак. журналистики СПбГУ, 2008.

Дмитровский, А.Л. Поиск нового образовательного формата: взаимодействие журналистики, рекламы и PR в свете экзистенциальной теории журналистики // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 2 (19). – С. 5-10.

Друскин Я. С. Видение невидения // Зазеркалье: Альманах. СПб., 1995. Т. II. 174 с.

Друскин Я.С. Лестница Иакова: эссе, трактаты, письма. СПб.: Академ. проект, 2004. 764 с.

Дубровская Т.В., Кожемякин Е.А. О методах современной лингвистики и лингводидактики // Современный дискурс-анализ. - № 1(22). – 2019. – С. 45-57.

Дудина В.И. Эпистемические матрицы исследовательской деятельности в современной социологии : дис. ... докт. соц. наук : 22.00.01 / В.И. Дудина; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2018. – 314 с.

Иващенко Г. В. Философские проблемы теории журналистики как область исследований / Г. В. Иващенко, Т. В. Науменко // CREDO NEW: электрон. теоретический журнал.— 1999. — Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/142/51/ (дата обращения: 15.01.2022).

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. – Изд. 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. – М., СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.

Косов А.В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания / А.В.Косов // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 3. СС. 75-90.

Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С. А. Лебедев. — М.: Академический проект, 2008.— 692 с.

Мясникова Л. А. Природа человека // Философская антропология: Актуальные

понятия : учеб.пособие / Е. С. Черепанова и др. ; (под общ. ред. Е. С. Черепановой) ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 324 с.

Нидал, Лама Оле. Каким всё является. Учение Будды в современной жизни (Текст) / Лама Оле Нидал; пер. с англ. Е.Леонтьевой. – М.: Алмазный путь, 2009.

Прохоров Е. П. Исследуя журналистику / Е. П. Прохоров. —М.: РИП-Холдинг, 2005.— 202 с

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров – 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

Соммэр Д. Мораль XXI века /Салас Соммэр Дарио. – Кодекс, 2020. – 480 с.

ДМИТРОВСКИЙ Андрей Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, г. Орёл, dmitrovskiyal@ya.ru